

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- Н. Г. БАГДАСАРЬЯН профессор кафедры социологии и культурологии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, кафедры информационного обеспечения внешней политики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ
- А. П. ГАВРИЛЮК профессор кафедры режиссуры мультимедиа СПбГУП, кандидат искусствоведения
- Ю. Д. ГРАНИН ведущий научный сотрудник Института философии РАН (Москва), доктор философских наук, профессор
- Е. С. ДАШКОВА заведующая кафедрой экономики труда и основ управления Воронежского государственного университета, доктор экономических наук, доцент
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный артист РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
- М. И. КОЗЬЯКОВА профессор кафедры философии и культурологии Высшего театрального училища (института) им. М. С. Щепкина (Москва), доктор философских наук
- Д. В. ЛОБОК доцент кафедры отраслей права СПбГУП, кандидат исторических наук
- Л. В. МАТВЕЕВА профессор кафедры методологии психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор психологических наук
- А. П. САДОХИН главный редактор журнала «Культура и цивилизация» (Москва), доктор культурологии, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ
- Ж. Т. ТОЩЕНКО главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Москва), научный руководитель социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, член-корреспондент РАН, председатель Международного редсовета журнала РАН «Социологические исследования», доктор философских наук, профессор
- А. В. ШЕРШУКОВ заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России (Москва), главный редактор центральной профсоюзной газеты «Солидарность»

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, от имени Оргкомитета XXI Международных Лихачевских научных чтений приветствую вас и благодарю за участие. На секционных заседаниях по традиции продолжается обсуждение идей, высказанных в ходе пленарного заседания и панельной дискуссии. Призываю вас обмениваться мнениями и реагировать на выступления друг друга. Чтения посвящены проблеме диалога культур — диалог начинается с личного умения его выстраивать.

Хотел бы высказать свое мнение по поводу темы секции — «Россия в глобальном мире: новый этап истории». После Второй мировой войны самым драматичным событием в истории XX века считаю распад Советского Союза. Но России повезло, потому что нашу страну возглавил В. В. Путин, избравший верный курс, который позволит сделать ее сильнее, вернуть величие и играть более важную роль в мире. Мне жаль Запад, который попытался отказаться от русской культуры. Хотя на самом деле они ни от чего не отказались — такое поведение свойственно лишь узкой груп-

пе западноевропейской элиты, находящейся под влиянием американцев.

Пятнадцать лет назад на Лихачевских чтениях мы начали обсуждать вопрос, что будет дальше с США и Западом в целом. Было понятно, что США переживают кризис капиталистической модели развития. Величайший философ XX — начала XXI века В. С. Степин сделал на Чтениях ряд ярких докладов на эту тему. Он допустил возможность преодоления кризиса США. Я же, изучив кризис современного западного капитализма, вижу, что западная элита не ищет пути выхода из той ситуации, которая возникла на Западе в экономике, культуре, политике. Они уверены в том, что у них все хорошо. В результате сегодня перед Западом стоит угроза если не исчезновения, то существования как одного из полюсов силы. Они этого не чувствуют, полагая, что победят. Но это невозможно.

Последние тридцать лет я изучаю Запад, перенимаю лучшее из того, что там есть, чтобы применить в СПбГУП. Университет — это плод моей работы по изучению западного опыта. Я люблю Запад, поэтому

мне обидно наблюдать за тем, что сегодня происходит. Д. С. Лихачев, В. В. Путин и многие россияне рассматривали Европу как пространство от Гибралтара до Берингова пролива. Предлагалась концепция большой объединенной Европы, которую в Германии и Франции многие разделяли, — Россия должна была стать ее частью. Но США решили иначе и сумели на Западе реализовать свои идеи.

Мир стоит на пороге больших потрясений. Надеюсь, что происходящее в России будет не потрясением, а движением вперед. За последние десятилетия нашей страной накоплен огромный запас прочности. В общем, мы должны верить в то, что живем в державе с великой судьбой. Успехов!

Д. В. ЛОБОК: — Уважаемые гости и участники конференции, работа нашей секции посвящена серьезной теме — «Россия в глобальном мире: новый этап истории». Хотелось бы услышать свободную дискуссию в рамках рассматриваемой тематики. Уверен, что в России нет людей, не интересующихся перспективами нашей страны, особенно сегодня, когда сложилась непростая ситуация для всего мира.

Слово предоставляется одному из руководителей нашей секции — члену-корреспонденту РАН Жану Терентьевичу Тощенко.

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Название нашей секции довольно обширное, поэтому я призываю своих коллег акцентировать внимание на второй его части — на новом этапе истории — и обратить внимание на тенденции, которые появились недавно или потребовали пересмотра старых позиций и т. д. И тогда мы, вероятно, достигнем цели нашего заседания — продуктивного обмена мнениями.

На этой неделе на сессии Российской академии наук Президент РАН Геннадий Яковлевич Красников представил отчет, раскрывающий, что Академия наук сделала для экономики и политики, какие выполняла задания и каких научных достижений достигла. Ссылаясь на данные социологов нескольких центров, он привел следующий пример: опрос, который проводили ВЦИОМ, Левада-центр и Фонд «Общественное мнение», показал, что сейчас люди демонстрируют высокий уровень доверия президенту нашей страны Владимиру Владимировичу Путину, второе место по этому показателю занимает Российская академия наук, ниже расположились правительство, Госдума, губернаторы, телевидение, СМИ, церковь и другие институты, управляющие обществом.

В своем выступлении хотел бы поднять вопрос, который может представлять интерес как для моих коллег, так и для студентов: почему доверие к науке контрастирует с использованием научных данных? Население выказывает доверие к науке и ее представителю — Российской академии наук. Другое дело, как используются научные данные и каким образом наука участвует в решении кардинальных вопросов.

Экономисты анализируют процессы, которые касаются экономики, показывают необходимость решения вопросов, связанных с четвертой промышленной рево-

люцией или шестым технологическим укладом, и роль модернизации и искусственного интеллекта в решении экономических проблем. Политологи рассматривают вопросы, касающиеся внешней и внутренней политики, соблюдения и совершенствования политических отношений, избирательной системы и пр. Над преодолением социальных проблем (касающихся заработной платы, повышения благосостояния, социальной защиты и пр.) работает целый комплекс наук.

Но я хотел бы обратить внимание на такой феномен, как общественный договор. На пленарном заседании этот термин употребила Е. Г. Драпеко. Впервые он был сформулирован французскими просветителями XVIII века Руссо, Монтескье и др. Между народом и государством, народом и властью существуют неписанные законы (помимо решения государством экономических политических и социальных проблем) — негласные правила, выражающиеся в доверии и поддержке тех или иных властных инициатив. Проблема общественного договора была поднята в XVIII веке, в преддверии Великой французской революции, которая реализовала это право.

Начало социологии увязывается с принятием того факта, что каждый человек должен стать участником исторического процесса. До этого момента с мнением людей не считались, все вопросы решали царь, хан и военная знать. Народ рассматривался как товар, который можно продать. Соглашение между гражданами и государством по вопросам государственного управления было реализовано в ходе Французской революции. С тех пор в нашей истории это влияние (часто латентное) между народом и властью продолжает существовать, что проявлялось неоднократно, в том числе в нашей стране.

В новой России велось много дискуссий по поводу Октября 1917 года. Но из анализа ускользал один момент — большевики и народ стали говорить на одном языке. Люди хотели мир — народам, землю — крестьянам, фабрики — рабочим. И большевистская партия предложила те же цели. Тогда сложно было заставить поддерживать друг друга, и был заключен своего рода общественный договор, где цели народа и государства, партии совпали. Потом в нашей стране этот принцип более или менее соблюдался, пока в 1980-х годах все не закончилось перестройкой, когда негласная договоренность между народом и политической властью была нарушена, хотя государство политически и экономически еще существовало.

В 1990-е годы Институт системных исследований РАН исследовал причины прекращения существования империй. Были проанализированы зарождение и уход с исторической арены Османской, Британской, Французской, Германской империй и даже империи Александра Македонского, выявлены факторы, обуславливающие их существование и крах. Затем ученые применили эти факторы к СССР, так как Советский Союз называли своеобразной империей, и пришли к выводу, что он при всех своих недостатках мог бы просуществовать еще 220–250 лет. Причины развала великой страны крылись в субъективном факторе: с одной стороны, политическая власть не видела объективных за-

кономерностей развития, а с другой — народ отказал в доверии политической власти.

Общественный договор предполагает, что цели народа и государства (в лице политической власти) должны в полной мере совпадать, необходимо максимальное стремление к взаимопониманию.

Вчера на пленарном заседании критиковался тот факт, что согласно Конституции мы строим социальное государство. Это довольно объемное представление должно быть доведено до среднестатистического россиянина, как было сделано после революции: одним — земля, другим — заводы и фабрики. Другое дело, как эти лозунги реализовывались.

Приведу пример. В Китае была сформулирована генеральная цель развития — построение социалистического общества с китайской спецификой. Но со временем она подверглась трансформации, чтобы цель была понятна каждому китайцу, — достичь среднего уровня обеспеченности каждого китайца по сравнению с уровнем благосостояния населения в других странах. За последние 15 лет примерно 700 млн китайцев (практически половина населения) были выведены из-за черты бедности. То есть китайцам предложили понятные меры, которые были приняты большинством.

Одна из актуальных проблем — наличие обратной связи. Политическая власть должна не только слушать народ, но и слышать — понимать, принимать и реализовывать те или иные меры. Еще один парадоксальный пример: народ всегда прав, даже если он не прав. Эта парадоксальная мысль связана с первым тезисом: народ будет настаивать на реализации своих устремлений. И в рамках общественного договора считается, что народ слышит, даже если он молчит.

Поэтому я призываю согласовывать интересы государства и народа в целях мирного и эффективного решения проблем, причем в рамках не только всего общества, но и определенной группы (студенчества, крестьянства, профессионального круга и пр.). Необходимо находить точки пересечения, чтобы общественный договор был реализован в нашей жизни.

Д. В. ЛОБОК: — Сегодня наши западные оппоненты называют современную Россию последней империей. Если это так, то сколько лет нам отведено? Насколько силен общественный договор в России и есть ли перспективы у нашей страны?

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Что касается общественного договора, то он существует и в странах Европы. Если говорить о современной России, то сейчас при президенте, правительстве, каждом министерстве работают социологические группы, одна из задач которых — изучать настроение россиян. Попытка ориентироваться на настроение народа предпринимается. Б. Н. Ельцин к концу второго президентского срока полностью утратил обратную связь с народом, это контрастирует с тем, что мы видим сейчас. Подавляющее большинство доверяет В. В. Путину. Надеюсь, все изменения будут согласовываться, чтобы не допустить потрясений.

В. А. МОЖИНА, *доцент кафедры немецкого и романских языков СПбГУП:* — Жан Терентьевич, с чем может быть связано повышение доверия к Российской академии наук — с мировоззренческим сломом или общественным договором?

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Доверие варьируется в различных направлениях — по отношению к государству, определенным органам, науке. Действительно, сегодня признается роль науки и научного знания, которое развивается Российской академией наук (71 % доверяют РАН). Но только 1 % выпускников вузов выбирают науку и образование в качестве своей профессиональной деятельности. Как соотносить эти данные — повышение доверия к РАН и нежелание молодежи заниматься наукой? Давайте поразмышляем над этим противоречием.

Н. И. РАСПОПОВА, *доцент кафедры конфликтологии СПбГУП:* — Почему в России понятия «человеческий фактор» и «человеческий капитал» используются как лозунги без содержания и реализации?

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Это один из подходов, предполагающий, что в самом человеке имеются потенциальные возможности для его участия в общественной жизни и решении личных проблем. Понятие «жизненный мир» охватывает все аспекты, именно в этом плане рассматриваются человеческие резервы. Человеческий капитал можно исследовать. Но возникает вопрос: как он используется? В этом кроется главная проблема: капитал у нас достаточно высокий, а вот как его используют — это другой вопрос.

Юлия АБРАМОВА, *1 курс, факультет конфликтологии:* — Жан Терентьевич, не секрет, что у государственного бюджета две беды — собираемость налогов и казнокрадство. С точки зрения социологии предполагает ли общественный договор, что общество отвечает за уплату налогов, а государство — за то, что налоги будут использоваться по назначению, а не тратиться на посторонние нужды? И насколько в этом смысле можно применять современные технологии вроде блокчейна и искусственного интеллекта?

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Наряду со словом «государство» употребляется слово «общество», которое появилось только в XVIII веке. Когда мы говорим о первобытном или рабовладельческом обществе, то свои знания «проецируем» на прошлое. Начиная с XVIII века, когда появился общественный договор, возникла идея, что наряду с государством существуют общественные силы (политические партии, профсоюзы, различные объединения культурного и экономического плана вроде Вольного экономического общества и т. п.), которые олицетворяют другое мнение и подходы.

Если говорить о соотношении понятий «государство» и «общество», то практически подразумевается одно и то же, хотя общество — это добровольные объединения, которые представляют свои интересы и выступают от имени определенных групп людей. Они пы-

таются согласовывать, полемизировать, а иногда и выступать против мер, которые предлагает государство.

Сейчас с новой силой разгорелся спор о том, каким должно быть российское образование. В начале 2000-х годов было принято решение о переходе на Болонскую систему. Тогда многие представители преподавательского и научного мира высказывали возражения и сомнения по этому поводу. Переход на Болонскую систему назывался кукуризация образования (по аналогии со временем, когда кукурузу сеяли от Северного полюса до пустыни, хотя ее следует выращивать в определенных зонах). Нельзя исключать и положительные результаты реализации Болонской системы, но не следовало сразу всю систему образования переводить в такой формат. Сначала нужно было внедрить ее в разных вариантах. Поэтому апробация идей — это необходимость. Нужно советоваться с народом и специалистами, тестировать идеи, и только затем настаивать на их воплощении.

Д. В. ЛОБОК: — Слово предоставляется заместителю председателя ФНПР Александру Владимировичу Шершукову.

А. В. ШЕРШУКОВ: — Я назвал свой доклад «Русский человек на rendez-vous с историей», перефразировав название статьи Н. Г. Чернышевского 1858 года «Русский человек на rendez-vous».

У поэта Николая Глазкова, придумавшего выражение «самиздат» (он называл его «самсебяиздат»), есть такое стихотворение:

Я на мир взираю из-под столика,
Век двадцатый, век необычайный —
Чем столетье интересней для историка,
Тем для современника печальней!

Прошло время, и оказалось, что XXI век не менее интересен и необычаен, чем XX.

Я хотел бы провести исторические параллели. В 1856 году завершилась Крымская война и русские войска оставили Севастополь. На эту тему я советую прочитать классическое исследование Е. В. Тарле «Крымская война». Несмотря на то что оно написано в 1940-х годах, оно до сих пор не утратило своей актуальности. Война, которую Россия тогда вела, проходила под лозунгом защиты православного населения, угнетаемого Османской империей, и православных ценностей, сопровождалась спором вокруг храма в Иерусалиме и ввода русских войск в Валахию и Молдавию, которые находились под протекторатом России. Это спровоцировало, причем внезапно для Российской империи, войну с группой европейских государств: Великобританией, Османской империей и даже Королевством Сардиния. В результате войну наша страна проиграла. То, что Россия никогда не проигрывала войн, — это заблуждение, в нашей истории были и трагические моменты.

Министр иностранных дел России А. М. Горчаков в депеше, направленной в посольство Российской империи, приводит фразу, ставшую классической: «Россию упрекуют в том, что она изолируется и молчит пе-

ред лицом таких фактов, которые не гармонируют ни с правом, ни со справедливостью. Говорят, что Россия сердится. Россия не сердится, Россия сосредотачивается».

Перекидывая мостик к сегодняшнему дню и говоря о новом этапе истории, справедливо задать вопрос: сосредотачивается ли сегодня Россия? На него можно ответить по-разному. Сосредотачивается в том смысле, что ведутся дискуссии, которые оформляются в решения, принимаемые на государственном уровне в сфере политики, экономики и т. д. Затем эти решения претворяются в жизнь. Но сегодня у меня нет ощущения, что мы сосредотачиваемся. Предпринимаются разные действия, которые не всегда соотносятся друг с другом.

На некоторые исторические вопросы сегодня нет ответов. Закроется ли для России «окно в Европу», прорубленное Петром I, — будут ли разорваны не только цепочки поставок газа, нефти и энергоносителей в Западную Европу, но и культурные связи? Россия того периода ориентировалась на идеи общественного договора, которые проникли из Европы и на которых наше государство базировалось последние триста лет.

Возобладает ли в нашей стране политика запретов? В ситуации, когда страна находится в состоянии вооруженного конфликта, есть соблазн пойти по пути запретов в части сокращения гражданских прав. И на самом деле эти ограничения до некоторой степени естественны. Напомню, как во время Великой Отечественной войны трагически завершилась судьба замечательного писателя Хармса. В период перестройки говорили о том, что его убила советская власть и лично товарищ Сталин, посадив в тюрьму. Но Хармса посадили в ленинградскую тюрьму, где в итоге он умер от голода, после его высказывания о том, что было бы хорошо, если бы пришли гитлеровцы. В момент, когда страна ведет войну, такие речи являются предательством.

Сегодня от людей, которые занимаются государственным регулированием, поступают предложения о введении этического кодекса и ограничении доступа к различным информационным ресурсам. Поскольку я в рамках профсоюзов курирую в том числе молодежную информационную тематику, для меня этот вопрос важен. Есть разница между тем, кто создает информационные инструменты, и тем, кто создает этические нормы для регулирования доступа к ним. Мне не хотелось бы, чтобы наша страна сконцентрировалась на второй части, в то время как другие страны занимаются развитием новых технологий. Это относится и к упомянутому здесь искусственному интеллекту.

Перед нашей страной стоит важная задача — в рамках продолжающейся идеологической войны не пойти по пути расчеловечивания не только противников, но и оппонентов, потому что этот путь в итоге может привести к существенным ограничениям и даже к охоте на ведьм внутри государства. Эти моменты в настоящее время не урегулированы.

Я обозначил темы, по которым не нужно ограничивать обсуждение, ссылаясь на трудности времени, необходимо продолжать нормальную, насколько это возможно, свободную дискуссию. К сожалению, неко-

торые наши законодатели идут по не вполне правильному, на мой взгляд, пути. Например, Государственная Дума приняла в третьем чтении законопроект, запрещающий распространение трудов руководителей Национал-социалистической рабочей партии Германии (в частности, *Mein Kampf* Гитлера). По этому поводу высказался известный историк А. Дюков, задавший вопрос: «Если я делаю подборку документов об этнических чистках, которые проводили украинские националисты во время Великой Отечественной войны, это будет являться распространением?» Теперь историки будут анализировать и осуждать теоретиков нацизма, ссылаясь не на то, о чем писал Гитлер в *Mein Kampf*, а на отраженные мнения третьих лиц без ссылки на источники? С моей точки зрения, это неправильно. Надеюсь, эти моменты будут учтены в решениях высшего законодательного органа.

В процессе борьбы, которую сейчас ведет наша страна, необходимо не допустить утраты подлинных демократических ценностей. В связи с этим я хотел бы процитировать фрагмент из выступления И. В. Сталина, которого нельзя заподозрить в излишнем либерализме, на XIX съезде Коммунистической партии СССР в 1952 году: «Раньше буржуазия позволяла себе либеральничать, отстаивать буржуазно-демократические свободы и тем создавала себе популярность в народе. Теперь от либерализма не осталось и следа. Нет больше так называемой свободы личности — права личности признаются теперь только за теми, у которых есть капитал, а все прочие граждане считаются сырым человеческим материалом, пригодным лишь для эксплуатации. Растоптан принцип равноправия людей и наций, он заменен принципом полноправия эксплуататорского меньшинства и бесправия эксплуатируемого большинства граждан. Знамя буржуазно-демократических свобод выброшено за борт. Я думаю, что это знамя придется поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперед, если хотите собрать вокруг себя большинство народа. Больше некому его поднять».

Раньше буржуазия считалась главой нации, она отстаивала права и независимость нации, ставя их „превыше всего“. Теперь не осталось и следа от „национального принципа“. Теперь буржуазия продает права и независимость нации за доллары. Знамя национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт. (Отмечу здесь термин „национальный суверенитет“, потому что в современном конфликте Россия отстаивает свой национальный суверенитет. — *А. Ш.*) Нет сомнений, что это знамя придется поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперед, если хотите быть патриотами своей страны, если хотите стать руководящей силой нации. Его некому больше поднять».

Мы живем на рубеже эпох, но будущее не предопределено — оно определяется экономикой, элитами и пр.

Отвечая на вопрос, не находится ли наша страна на грани очередного раскола, могу сказать, что, в отличие от Российской империи 1916–1917 годов, сейчас отсутствует раскол внутри элит. А тогда он имел

место, ведь на станции Дно в вагон к императору пришли не рабочие и крестьяне, а представители Государственной думы и промышленники, заручившиеся поддержкой командующих фронтов на предмет отставки Николая II. Сейчас подобного раскола в стране нет, мы в этом смысле чувствуем себя более защищенными.

Молодым людям, которые пытаются составить свое мнение о происходящем в мире и стране, нужно проявлять себя не только в качестве профессионала в области своей деятельности, но и в качестве граждан своей страны, которые при необходимости готовы не только высказать мнение в ее поддержку, но и защитить.

Мы живем в сложное и трагичное время. Но Россия не является страной-изгоем, тьма не окутала нашу страну. Несмотря на сложные отношения нашей страны с Западной Европой, Западная Европа при всей нашей евроцентричности — это не весь мир, который гораздо больше. Нам предстоит не только увидеть интересные события, но и активно в них поучаствовать.

М. С. РОЙ, *старший преподаватель кафедры немецкого и романских языков СПбГУП*: — Александр Владимирович, Вы затронули тему доверия, а также подняли вопрос о том, где проходит грань между пропагандой и поиском правды. Вы сказали, что мы можем сделать со своей стороны — вести свободную дискуссию, не бояться говорить о негативных тенденциях, например об усилении контроля. Дискуссия — это постановка проблемы. Мы обсудили, признали, что есть проблема, и хотим избежать тоталитарного контроля, в первую очередь над информацией. Что делать дальше?

А. В. ШЕРШУКОВ: — В замечательном французском сериале «Бюро» транслируется мысль, что к обществу тотального контроля с технологической точки зрения мы уже пришли. Мы живем в прозрачном мире, и при необходимости о любом сидящем в зале можно найти всю информацию.

Что касается ответа на вопрос, то нужно следить за тем, что говорите. Здесь уместно вспомнить замечательное произведение Леонида Филатова «Про Федота-стрельца, удалого молодца», в котором царь, обращаясь к стрельцу, говорит:

Хороша ль, плоха ли весть, —
Докладай мне все как есть!
Лучше горькая, но правда,
Чем приятная, но лезть!

Только если эта весть
Снова будет — не бог весть,
Ты за эдакую правду
Лет на десять можешь сесть!..

Нужно изначально понимать, что наша страна находится в состоянии конфликта. Никогда в истории не была сформирована настолько большая коалиция государств, которые противодействуют нашей стране. Так, во время Второй мировой войны, хотя сейчас об этом говорить не принято, Великобритания и США были союзниками СССР. Программа ленд-лиза не оказала решающего влияния, но внесла существенный эко-

номический вклад в военную экономику Советского Союза. Сегодня государства Западной Европы и США, поставляющие Украине вооружение в прокси-войне, можно назвать недружественными.

Слова могут нанести ущерб борьбе, которую ведет наша страна (речь идет даже не об уголовном преследовании). Когда в 1991 году Советский Союз распался, никто этого не ожидал. Был проведен Всесоюзный референдум о судьбе СССР, на котором большинство высказались за его сохранение. Но никто не ожидал, что решения нескольких человек приведут к возникновению реальных границ, распаду экономических связей и разрушению целых отраслей экономики. Несмотря на то что сейчас у нас все хорошо, нужно как минимум действовать по принципу «не навреди», оценивать свои действия с точки зрения непричинения ущерба стране, наладить связи будет возможно уже по окончании вооруженного конфликта.

На прошлой неделе после полугода службы в отпуск приехал мобилизованный Сергей Мельничук, который возглавлял департамент социальных гарантий. Он, как сын офицера, считает, что делает все правильно, он не стал бегать от мобилизации, не растерялся, как группа растерявшихся патриотов (по выражению Д. Пескова), которые релоцировались в разных направлениях. Нужно в разных формах помогать тем, кто находится на СВО и защищает нашу родину, потому что они рискуют своей жизнью, отстаивая суверенитет нашей страны.

С той стороны уже все сказано. Не мы прервали в прошлом году переговоры в Стамбуле, не мы заявляем о том, что русских нужно убивать в любой точке мира, не мы организуем террористические акты (взорвали В. Татарского, Д. Дугину, З. Прилепина, которые не являются законными целями во время военной кампании), не мы заявляем о цели расчленения России.

Но не следует все происходящее воспринимать как индальгенцию для государственных руководителей и политиков на неправомерное сокращение поля демократических свобод и прав человека, которые у нас в стране были, есть и будут. В настоящее время у профсоюзов стало меньше инструментов для полемики с правительством: 1 мая мы не проводили митингов и шествий, потому что сейчас возможен террористический акт. В случае, если будут пытаться принять неправильный, с нашей точки зрения, законопроект, существуют определенные процедуры для противодействия этому (письма, обращения к депутатам и т. д.). Используя законные процедуры, не следует выходить за рамки — речь идет не только о личных последствиях, но и о том, чтобы это не навредило нашей стране.

Н. И. РАСПОПОВА, *доцент кафедры конфликтологии СПбГУП*: — На мой взгляд, сегодня профсоюзы находятся в кризисе. Александр Владимирович, как Вы представляете будущее профсоюзов и их роль в развитии страны?

А. В. ШЕРШУКОВ: — Я не согласен. Кризис пришелся на 1990-е годы, потому что в ту пору численность профсоюзов ежегодно сокращалась примерно на

миллион человек, кроме того, были большие проблемы со взаимоотношениями с властями и механизмами реализации решений.

Основной инструмент социального партнерства на федеральном уровне — Российская трехсторонняя комиссия по регулированию социально-трудовых отношений, которая была создана в 1992 году указом Б. Н. Ельцина, но практически не работала. Сейчас такой механизм есть — площадка, на которую Госдума по регламенту должна выносить все законопроекты, касающиеся социально-трудовой тематики, где они должны обсуждаться и либо приниматься, либо отвергаться. С точки зрения численности профсоюзы стабилизировались на уровне примерно 19,5 млн человек. В ФНПР вошли федерации профсоюзов ДНР и ЛНР. Поэтому про кризис говорить не приходится.

Перед профсоюзами стоит технологический вызов. Сейчас на рынке трудятся 7,5 млн самозанятых, государство переводит их в этот статус, руководствуясь в первую очередь потребностью в налоговых поступлениях. Но в смысле трудовых отношений статус самозанятых не определен: кем они являются — работниками или работодателями — и как с ними работать профсоюзам? Также существует платформенная занятость. Сегодня ведется спор на тему, чем является платформа. Чем бы он ни закончился, это большой сектор, где трудятся миллионы людей, с которыми, как и с айтишниками, нужно коммуницировать, очевидно, на новой технологической платформе (мобильные приложения, Интернет и т. д.), то есть в том же формате, в котором предоставляются эти сервисы. Этот технологический вызов пока не преодолен.

Профсоюзы активно работают с молодежью. Мы изменили нашу программу стратегического резерва в кадровую, в рамках которой готовятся высокопрофессиональные кадры. В Интернете и социальных сетях («ВКонтакте», Telegram) мы тоже представлены. Проблемы есть, но они решаются, потому что у нас есть понимание, что нужно делать.

И. В. РУДИНА, *доцент кафедры режиссуры мультимедиа СПбГУП*: — Какие материалы, посвященные СВО, которую проводит Россия уже больше года, за этот период были опубликованы в газете «Солидарность», главным редактором которой Вы являетесь?

А. В. ШЕРШУКОВ: — Отдельной рубрики, посвященной СВО, в газете «Солидарность» нет, но публикуются соответствующие сведения, например о том, что профсоюзы за год собрали более 1 млрд рублей (в виде гуманитарной помощи бойцам, задействованным в СВО). Были публикации о том, как на предприятиях люди шьют маскировочные сети и пр. Сложность связана и с ограничениями, диктуемыми временем (напомню, что в свое время была военная цензура). Если мы напишем, что на некоем предприятии делают что-то важное и полезное для нашей армии, там может произойти пожар. В военной цензуре есть здравый смысл, притом что в мирное время я выступаю ее противником. Слово, как произнесенное, так и написанное, имеет последствия. А если последствий нет, то такое сло-

во не имеет ценности. Кроме того, на сайте ФНПР есть отдельный раздел, посвященный СВО и помощи профсоюзов.

Д. В. ЛОБОК: — Роль профсоюзов велика даже тогда, когда речь идет о специальной военной операции. Профсоюзы — это тыл. А чем крепче тыл, тем сильнее страна. Слово предоставляется доктору филологических наук Надежде Гегамовне Багдасарьян.

Н. Г. БАГДАСАРЬЯН: — На Лихачевских чтениях, на которые я приезжаю уже в десятый раз, уместно вспомнить о личной встрече с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. В 1987 году в Московском государственном техническом университете им. Н. Э. Баумана была создана кафедра культурологии. Спустя некоторое время Российский фонд культуры, которым тогда руководил Д. С. Лихачев, пригласил меня на Гоголевский бульвар. Во время нашей встречи Дмитрий Сергеевич говорил о том, что в России настали замечательные времена, так как в техническом вузе создана гуманитарная кафедра, которая занимается изучением культуры. Он предложил свою помощь, хотя для меня его помощь заключается в том, что у нас есть Дмитрий Сергеевич Лихачев. Такая поддержка была очень важна.

Процессы, которые сегодня происходят в мире, — глобализация, локализация или другие, — гораздо сложнее, чем нам казалось раньше. Здесь уместно рассказать анекдот о том, что такое глобализация. Это когда сомалийские пираты захватывают украинский сухогруз, идущий под флагом Буркина-Фасо, везущий в Южную Африку товары, выпускаемые под германским брендом, но произведенные в Казахстане и Китае, на борту которого находится команда, состоящая из русских, хорватов и поляков, а хозяином является гражданин Объединенных Арабских Эмиратов. Хотя сегодня этот анекдот уже устарел.

Хотела бы прокомментировать тезис Марии Владимировны Захаровой о культуре и антикультуре. Как интерпретировать понятие «антикультура» в научном пространстве? В рамках науки понятие «антикультура» не вполне уместно, например я его не использую. Более того, моя первая лекция начинается с призыва к студентам забыть о том, что есть люди культурные и некультурные. Культурными можно считать всех людей, кроме Маугли.

Но если мы находимся в пространстве политики, а М. В. Захарова — политик, дипломат, то в понятие «антикультура» можно вкладывать особый смысл. Политический диспут ищет врагов: есть свои — культурные и чужие — некультурные, антикультурные. Научный дискурс ведет поиск методологии, дает обоснования и интерпретации, основанные на научном знании. В целях воспитания можно использовать понятие «антикультура», когда мы говорим о негативных процессах в культуре.

В культуре представлены разные потоки, как позитивные, так и негативные. Она подвержена изменениям, потому что динамична. То, что сегодня выглядит как вызов, завтра получает ответ и входит в ядро куль-

туры. Я предлагаю подумать над тем, что такое культура и антикультура, о соотношении этих понятий, привлечь для этого работы Дмитрия Сергеевича Лихачева и Вячеслава Семеновича Степина, который неоднократно выступал на Лихачевских чтениях по вопросам цивилизаций и культур.

В Новой философской энциклопедии представлена статья В. С. Степина «Культура», в которой он говорит о том, что культура — это определенная программа, формирующая картину мира каждого из ее носителей. Обратите внимание: программа, а не отдельные фрагменты культуры.

М. М. Бахтин говорил: «Культура расположена на границе». Границы проходят не только в географической плоскости, не только между Россией и Европой, Россией и США, Россией и Украиной, а внутри каждого из нас.

Надеюсь, что И. И. Бузовский пошутил, когда сказал, что мир должен быть однополярным. Д. О. Бабич деликатно его поправил, обозначив три цивилизации. Следует учитывать, что закон необходимого разнообразия работает на материале как природы, так и социума. Чем система разнообразнее, тем она устойчивее. Нужно сохранять краснокнижные растения и исчезающие языки, которых сегодня насчитывается больше трех тысяч. Что изменится, если исчезнет какой-то язык? На самом деле это страшно.

На пленарном заседании прозвучала мысль, что сегодня заниматься прогнозированием — дело неблагоприятное. Наверное, она справедлива, но не исключает того, что прогнозировать — нормально для человека, который занимается методологией и культурологией как научной дисциплиной, а не как дисциплиной политической и пропагандистской. Так, японцы, используя технологию форсайт, составляют прогнозы, которые сбываются на 80 %.

Хочется понять, что современной России позволит выйти из чрезвычайно сложной и неопределенной ситуации. Полагаю, что у России нет иного пути, как инновационное развитие. Этот путь успешно пройден другими государствами, которые занимают первые строчки в рейтинге стран по уровню счастья. Меня, как социолога и культуролога, интересует, что дает людям ощущение счастья. Страны в этом рейтинге время от времени меняются местами, но в первую десятку, как правило, входят одни и те же.

Намечается сценарий выхода из этой сложной, даже тупиковой, как нам казалось некоторое время назад, ситуации. Настроения людей меняются. Я хотела бы выделить несколько моментов, на которые нужно обратить внимание. Наша страна воюет, а мы в прекрасном университете обсуждаем важные вещи — как будто существуют две параллельные вселенные. Что нам делать в такой ситуации?

Учитывая то, что происходит в мире, в качестве ядра инновационного развития, на мой взгляд, следует сформировать общество знаний. ЮНЕСКО даже были приняты соответствующие документы, но сейчас разговоры об этом поутихли. А разве сегодня интеллектуализация не нужна? Инновационный тип развития (по всем документам, которые принимает российское

правительство и утверждает президент, мы стремимся установить именно такой тип развития) невозможен без социальной инфраструктуры, которая должна целенаправленно формироваться государственными институтами.

Жан Терентьевич сказал, что государство и общество — это разные понятия, с чем я согласна, но есть и другие категории, которые тоже следует различать: Отчизна — Родина — страна. Такой диапазон понятий существует не случайно.

Размышляя о государственных институтах, следует сказать, что построение сильного государства без гражданского общества невозможно. Государство сильно не тогда, когда закрываются институты, а тогда, когда они развиваются и выполняют свои функции. Гражданское общество в различных странах может быть устроено по-разному, но именно оно обеспечивает баланс возможностей, чтобы государство слышало людей. Общественные организации сейчас трудно создавать, но это не означает, что мы не можем этого делать.

В завершение хотела бы сказать, что, в отличие от природных запасов (существуют расчеты, когда закончатся нефть, газ и пр.), человеческий потенциал и человеческая мысль неисчерпаемы. Прогресс науки и техники ограничен только возможностями интеллекта. Россия, безусловно, обладает всем, что способно при определенных условиях сделать нашу страну интеллектуальным центром будущего.

Екатерина ЖИРОХОВА, *1 курс, факультет конфликтологии*. — Надежда Гегамовна, Вы считаете, что антикультуры не существует. На мой взгляд, между субкультурой и антикультурой проходит тонкая грань, и согласно некоторым трактовкам антикультура — это радикальная версия субкультуры.

Н. Г. БАГДАСАРЬЯН. — Субкультура и антикультура — разные категории. Субкультура — это часть общей доминирующей культуры. А антикультуру я могу трактовать только в том ключе, что в культуре главное — позитивные ценности, в антикультуре — негативные. Когда возникает напряжение, появляются негативные характеристики. И тогда в культуре формируется ответ.

Е. ЖИРОХОВА. — Надежда Гегамовна, скажите, пожалуйста, каким образом в России может сформироваться гражданское общество?

Н. Г. БАГДАСАРЬЯН. — Гражданское общество — это всегда инициатива. Сверху создать гражданское общество нельзя, но можно создать условия, в частности связанные с законодательной системой, которая позволяет (или не позволяет) оформиться инициативам людей, живущих в стране, в разнообразных структурах. Сейчас в России сложилась особая ситуация. Предлагаю просто делать благие дела и организовываться для этого. Так, в рамках моей магистерской программы «Социальные и арт-практики в цифровом измерении» в Университете «Дубна» студенты прове-

ли анализ общественных структур в Москве, которые совершают благие дела.

Д. В. ЛОБОК. — Слово предоставляется профессору Юрию Дмитриевичу Гранину.

Ю. Д. ГРАНИН. — Тема моего доклада «Россия как „самобытное государство-цивилизация“. Конфликт интерпретаций и противостояние Западу», на мой взгляд, необычайно важна. Недавно в России была принята Концепция внешней политики РФ. В нее, в частности, были включены положения, которые раньше отсутствовали, например: Россия — это самобытное государство-цивилизация. Как к этому следует относиться? Общепризнанного понимания цивилизации не существует. Коллеги в Академии наук выступают оппозиционно по отношению к самому термину и вообще к исследованиям в области цивилизации. А между тем в Институте философии РАН уже пять лет реализуется государственная программа «Российский проект цивилизационного развития», в рамках которой мы активно работаем: выпущено много книг и статей, издается журнал «Проблемы цивилизационного развития», где обсуждается эта тема, и пр.

Хотелось бы отреагировать на выступления, которые прозвучали на пленарном заседании и на заседании нашей секции. Поддерживаю предыдущего оратора в том, что звучало много пропагандистских штампов, которые не имеют отношения к науке. Я хотел бы сказать несколько слов по поводу общественного договора и его интерпретации. Жан Терентьевич отметил, что общественный договор предполагает согласие между народом и государством, правда, непонятно, как оно устанавливается. Хотел бы напомнить о том, что общественный договор должен быть подписан. Юридически общественным договором является Конституция РФ, в которой прописаны наши права, обязанности и т. д. А то, о чем идет речь, называется легитимностью, то есть это негласное соглашение между народом и государством, выражающееся в том числе в поддержке президента народом и пр. Поэтому предлагаю точно расставить акценты с точки зрения науки. Это касается и термина «цивилизация».

Я тоже занимался исследованиями, посвященными изучением империй. В 2008 году в журнале «Политический класс» была опубликована моя статья «США — последняя либеральная империя». Многие задавали вопросы: разве империи бывают либеральными? И почему последняя? И вообще — что такое империя?

История России и других стран показывает, что империи в истории нередко имели позитивное культурно-историческое значение. Именно имперская форма государства позволяла многим народам, живущим на его территории, развивать свою культуру, а в отдельных случаях даже создавать элементы гражданского общества. Поэтому предлагаю ввести в научный дискурс термин «цивилизационные имперские системы».

Цивилизации — феномен крайне сложный. Они бывают по-разному структурированы, но в них всегда существует сильный ценностно-смысловой комплекс,

который позволяет разным народам, говорящим на разных языках, создавать некое социокультурное целое, которое затем может развиваться. В Российской империи такое развитие было вполне успешным. Но если посмотреть с высоты философско-социологических обобщений, то возникает вопрос: можно ли считать Россию цивилизацией?

На эту тему написано немало работ. Но проблема в том, что, когда мы начинаем рассуждать о цивилизации, то вскоре понимаем, что это размытое понятие. Китай, разумеется, цивилизация, Индия тоже — никто не ставит под сомнение. Но сегодняшняя Китайская Народная Республика является инобытием многих предшествующих форм цивилизационного развития. Одна династия следовала за другой, одна династия сменяла другую... Что же это за цивилизация — сегодняшняя Китай?

Тот же вопрос мы можем отнести и к России. В 2020 году я опубликовал статью в журнале «Вопросы философии», где писал, что, изучая становление Великого княжества Московского, Российской империи и Советского Союза, мы должны помнить об их исторической преемственности и о том, что эти политические формы имели много цивилизационных воплощений. Православная цивилизация — Московское царство XVII–XVIII веков; затем цивилизационная псевдоморфоза — империя Романовых до середины XIX столетия. Россия пыталась заимствовать многие европейские ценности и формы устройства, но они до сих пор не прижились. Однако сегодняшнее стремление отдалиться от Европы может быть лишь временным, потому что российская культура все же европейская. Со второй половины XIX века до Первой мировой войны Россия была гибридной цивилизацией модернового типа, после чего ее вскоре сменила советская цивилизация, представлявшая тогда альтернативный западному тип модернового развития. Это была империя положительной деятельности.

Мы стали негативно относиться к термину «империя», но я считаю, что отказ от имперской формы государства — наш колоссальный просчет. Потому что империя не означает противостояние либерализму. Безусловно либеральная империя — Соединенные Штаты Америки. Есть мнение, что она близится к своему закату, но, боюсь, это произойдет нескоро и, возможно, не в тех формах, какие мы предполагаем.

Между тем Россия во многом схожа с Китаем. Обе страны живут в условиях архаичного индустриального уклада, и у нас, как и у китайцев, еще много элементов социализма. Но мы различаемся в главном: у Китая имеется прочный ценностно-смысловой каркас. Россия постоянно ищет свое место — она считает себя то Европой, то Евразией, то вообще отдельной самобытной цивилизацией. Эти постоянные метания свидетельствуют о том, что в элитах не укрепился российский патриотизм. Поэтому надо сделать все возможное для того, чтобы в итоге специальной военной операции, которую сейчас совершенно правомерно ведет Россия, мы смогли бы выйти на понимание своей особенности. Но для этого необходимы серьезные исследова-

ния. Надо по-настоящему понять, что мы собой представляем и на какое место в мире можем справедливо претендовать.

Планируя будущие перспективы России, не следует впадать в грех имперского мессианства. Думаю, что прежде всего в иерархии наших стратегических целей нужно поставить внутреннюю политику прежде внешней. И сосредоточиться на комплексном развитии Арктики, Сибири и других регионов. У нас очень много проблем. Идея единой Европы от Атлантики до Владивостока канула в Лету. Наступает время гибких альянсов, которые позволили бы России внимательно относиться к себе и окружающему миру. И тогда, возможно, в дальнейшем мы сможем продемонстрировать свою цивилизационную особость.

Е. ЖИРОХОВА: — Понятие империи, по-моему, тесно связано с таким явлением, как колонии. Если мы считаем Россию империей, то возможна ли колонизация?

Ю. Д. ГРАНИН: — Периодом образования колониальных империй можно считать XVII–XVIII столетия, и такими империями стали как раз западноевропейские государства, которые завоевывали мир. Более ранние империи не были колониальными. Да, Россия расширялась на восток, но разве русский народ когда-нибудь эксплуатировал другие народы? Дело в том, что если можно завоевать территорию с помощью оружия, то проживающих на ней людей в любом случае приходится «завоевывать» мирными способами. В Российской империи существовали законы, касающиеся так называемых инородцев, но все они были направлены на то, чтобы интегрировать эти народы и предотвращать межнациональные конфликты.

Е. ЖИРОХОВА: — И второй вопрос. Вы сказали, что Россия и Китай имеют довольно много архаичных черт. Что это за черты?

Ю. Д. ГРАНИН: — В Китае по-прежнему очень большой крестьянский сектор — около 700 млн человек. Эти люди живут по патриархальным законам. Кроме того, сохранились анклав варварства. Такие анклавы есть и в России, например на Кавказе. Советы старейшин — типичный институт варварских обществ, кровная месть, безусловно, варварский обычай. Все это говорит о том, что надо проводить глубокие исследования, изучать, что мы собой представляем в цивилизационном отношении и в чем должна выражаться наша самобытность.

Григорий БОЙЦОВ, III курс, факультет конфликтологии: — Вы сказали, что необходима интеграция культур тех народов, которые живут в империи. Вопрос от конфликтолога: кто имеет право на такую интеграцию и кто должен это определять? И не является ли тогда империя фактором повышения конфликтности в мире? Ведь другие империи тоже могут расширяться, и могут возникнуть разногласия по поводу границ. Как быть в такой ситуации?

Ю. Д. ГРАНИН: — Каждая культура самоценна, и это не подвергается сомнению, империи здесь ни при чем. В России это всегда понимали. Как согласовывать различные представления и жизненные уклады многих народов, которые сложились у них исторически? С помощью языка межнационального общения, развития системы массового образования. Каждый может выбрать ту культуру, в которой он хочет жить, никакое насилие недопустимо. Вы же помните войну в 1990-х годах на Северном Кавказе. Напомню, что совсем недавно в России было две чеченские войны. А что теперь? А теперь национальные батальоны воюют на территории Украины, показывая пример стойкости, выдержки и стремления к победе. Значит, мы как-то решили этот вопрос? Думаю, что это стало возможно в том числе и за счет правильной межнациональной политики. Кстати, у нас есть концепция межнациональной политики, надо только правильно ею пользоваться и не допускать перегибов.

Илья СУХОРУКОВ, 1 курс, факультет искусств: — Юрий Дмитриевич, может ли быть так, что мы употребляем понятие государства-цивилизации с определенной целью: чтобы в информационном поле не ассоциироваться с империей, но при этом продолжать свое развитие именно в качестве империи?

Ю. Д. ГРАНИН: — Чем отличается цивилизация от нации? Нации живут только в пределах государств, это политические образования. А цивилизации — это крупные сообщества людей, которые переступают государственные границы и существуют в виде анклавов на территориях других государств. Китайская цивилизация разбросана по всему миру. А что такое Русский мир? Представители русской цивилизации, которые находятся за рубежами нашей страны.

Михаил МАЙОРОВ, 1 курс, факультет конфликтологии: — Вы упомянули, что российская цивилизация принимала различные формы, которые сменяли друг друга. Есть ли среди них успешный проект, опыт которого надо использовать в будущем? Или, возможно, это будет синтез каких-то черт. Каким Вам представляется образ будущего, если исходить из знания этих форм?

Ю. Д. ГРАНИН: — Четкого, детального понимания будущего России, думаю, сегодня ни у кого нет, да и не может быть. В чем заключается самобытность нашей страны? В том, что она является гибридом разных форм. Может ли самобытность заключаться как раз в этой гибридности? Честно говоря, не знаю. Мы говорим о Китае, что это особая цивилизация. Ее особенность заключается в ценностно-смысловом каркасе, в уникальной рациональности китайцев, с которой они ищут срединный путь. Неслучайно они называют себя Срединной империей. Важен принцип гармоничного сосуществования всех многочисленных народов, которые живут в стране. Но это не достигается в одночасье.

Д. В. ЛОБОК: — Слово предоставляется профессору Лидии Владимировне Матвеевой.

Л. В. МАТВЕЕВА: — Уже больше двух десятилетий я изучаю восприятие образа России и хочу рассказать о результатах исследования, которое мы вместе с моим аспирантом провели, призвав на помощь Русское географическое общество и его сайт. В исследовании приняла участие российская молодежь из восьми регионов. Мы изучали, как молодые россияне воспринимают свою страну в сравнении с Соединенными Штатами Америки и Китаем, то есть в чем заключаются особенности и различия наших культурных кодов. Прежде всего надо отметить, что мы живем в очень разных культурных пространствах, и утверждать, что Россия и Китай во многом похожи, — это сильное преувеличение. Нам известно китайское проклятие: «Чтобы ты жил в эпоху перемен». По Конфуцию, надо много говорить и ничего не делать. И другая точка зрения, чисто российская, поэта и дипломата Федора Тютчева:

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.

Разное восприятие перемен говорит о том, что и культурный код по отношению к пространству и времени у нас тоже разный.

Вячеслав Семенович Степин выделяет два типа универсальных категорий, две системы: одна определяет отношение к вещам, времени и пространству, другая — к человеку. Первая группа универсалий включает понятия: пространство, время, движение, вещь, отношение, количество, качество, мера, содержание, причина, случайность, необходимость. Вторая группа фактически формирует культурный код нации. Это следующие категории: человек, общество, сознание, добро, зло, красота, вера, надежда, долг, совесть, справедливость и свобода. Культурный код России — это ключ к пониманию русского типа культуры, уникальные культурные особенности, которые достались русскому народу от предков. Это закодированная в некой форме информация, позволяющая идентифицировать культуру, а также набор образов, связанный с комплексом стереотипов, которые заданы прежде всего архетипами в русских народных сказках. Вспомним хотя бы сюжет, когда боярин обещает выдать дочь за первого встречного, то есть внести в семью совершенно неожиданный элемент случайности. Когда Иванушка-дурачок женится на принцессе — это по сути тот же сценарий. Но прежде он должен пройти множество испытаний и выйти из них победителем, и тогда он будет вознагражден, получив в жены умницу-красавицу. Потому что, как сказали бы сегодня, он успешный мужчина.

Эти культурные коды существуют не только в светских, но и в религиозных текстах. Николай Данилевский предлагает свое понимание национального характера, в котором определяются три параметра — язык, география, история. К сожалению, рассуждения о культурном коде в России представляют некоторую опасность. Вы должны выбрать свою позицию: вы славя-

нофил или западник, монархист или либерал. Такое отчетливое разделение существует по любой теме. Противоположные точки зрения — и всё, и мы живем в этой дихотомии, что, в общем, даже и неплохо. Культурный код отвечает за главные смыслы — как и зачем жить, как и зачем умирать.

Что характерно для русского культурного кода? Во-первых, способность к кратким сверхусилиям, необходимым для того, чтобы преодолеть очень сложные препятствия. Это проявляется в работе и мышлении. Таким образом, в российском культурном коде заложена жертвенность, то есть мы готовы потратить всю свою энергию, а нередко и жизнь, на то, чтобы преодолеть непреодолимое для других народов. Во-вторых, превалирование нематериальных ценностей над биологическими потребностями. В-третьих, религиозность. Мы все во что-нибудь веруем — кто в Бога, кто в коммунизм. Сейчас, к сожалению, возрождаются древние символы. Нам предлагают так называемое родноверие. Веночки и вышиванки на Украине — не что иное, как возвращение к дохристианским временам. Но это очень опасно, потому что может привести к таким феноменам, как батальон «Азов», участники которого приносят клятвы с жертвоприношениями, режут себе руки. Языческие культы кончаются культом смерти.

Следующий важный элемент русского культурного кода — жестко централизованное государство, где личная свобода человека не имеет большого значения, но при этом очень важна свобода воли. Известный человек свободной воли, то есть убежавший от государства, — Ермак Тимофеевич — беглый казак, но он стал проводником российской государственности во всей Сибири. Вы можете изменить свою сущность, став беглецом, но потом должны служить государству.

Россия, в отличие от западной и китайской цивилизаций, построена на общности и доверии друг к другу. Если французский король мог заявить «Государство — это я», то для нас Россия — это мы. Это представление наглядно представлено в картине Васнецова «Три богатыря», которая олицетворяет триединство населения России. Трое харизматичных российских мужчин: боярский сын Добрыня Никитич, представитель духовного сословия Алеша Попович и Илья Муромец — простой крестьянин, который стал великим силачом, получив от Святогора свой меч. При этом главный богатырь — Илья Муромец. Что это говорит о нашем культурном коде? Если на Западе создают структуру, а потом находят тех, кто будет реализовывать ее цели и задачи, то в России все наоборот. Действия персонажи реализованы. Сначала находятся единомышленники, которые готовы решать какую-то проблему, и лишь после этого создается структура и начинается работа. Это иллюстрируется событиями 400-летней давности, когда новгородские купец и боярин пришли в Москву и освободили Россию от поляков.

Англосаксонский код подразумевает власть над миром. Он универсален, а ценности, названные общечеловеческими, включают строительство глобального мира и уничтожение других культурных кодов. Иудейский код включает власть над временем, сложные знаковые системы сохранения культуры и языка. Русский

код — это власть над пространством, в том числе космическим (возможно, именно поэтому нам первым удалось прорваться в космос). Китайский код включает власть над формами организованности, деятельности и производства. В Японии эстетический код, в Индии — управление форматами мышления.

Свой культурный код имеется у любой цивилизации, но в настоящее время мы живем в глобальном информационном пространстве, где лидирует английский язык, поэтому весь мир находится под воздействием англосаксонского информационного кода.

Целью нашего исследования было изучение представления молодежи о соотносительности России с западной и восточной цивилизациями. Методология — анкета, участники — 755 респондентов из 8 регионов России, основной метод — психосемантика. По семибальной шкале оценивались 33 биполярные единицы: добрый–злой, способный–неспособный, безопасный–опасный и т. д. Изучались образы России, Китая и США. Факторизация осуществлялась в двух вариантах — общероссийском и по регионам. Полученная факторная структура интересна тем, что выявляет культурный код молодежи России по критерию различий между цивилизациями.

Первый фактор (объясняющий 18 % дисперсии) — сила и могущество. То есть цивилизация характеризуется для молодежи прежде всего силой и могуществом. Свойства — независимость, авторитетность, сила, могущество.

Второй фактор (15 % дисперсионной нагрузки) — безопасность и миролюбие, включающий различные компоненты этического кода: добрый–злой, вежливый–грубый, милосердный–жестокый, нравственный–безнравственный. Примечательно, что для молодежи безопасность связана с нравственностью.

Третий фактор — визуальная привлекательность. Оценка по категориям веселый–грустный, теплый–холодный, оптимистичный–пессимистичный, яркий–тусклый, открытый–закрытый, прекрасный–уродливый. Хорошая цивилизация — веселая, теплая, оптимистичная, яркая, открытая и прекрасная.

Четвертый фактор — духовность. Примечательно, что современная молодежь связывает духовность и патриотизм и ассоциирует их с верой в Бога, духовной энергией и нравственностью. Это важное открытие, показывающее, что наша молодежь не такая бесхребетная, как принято думать.

Пятый фактор — психологическая дистанция: простой, тесный, родной–чужой. Это подкатегории так называемой психологической близости.

Шестой компонент (5 % дисперсии) — когнитивная сложность: сложный–простой, хитрый–простодушный, самобытный–похожий.

По оценкам молодежи, западная цивилизация остается самой сильной и могущественной, на втором месте Китай и только потом Россия. Самым безопасным является Китай, за ним следует Запад, а Россия представляется достаточно опасной страной. С точки зрения визуальной привлекательности первое место занимает Запад, за ним — Китай и Россия. По духовности самым сильным считается Китай, потом Россия, а За-

пад и вовсе бездуховный. Важно, что Западу не отводится роль духовного лидера в нашем мире. Психологическая дистанция: Россия абсолютно своя, Китай — совсем чужая цивилизация, Запад немного ближе. Это естественно, потому что у нас общие христианские корни. Когнитивная сложность: Восток — самый сложный, потом Россия и за ней более простой Запад.

Я представила общую картину того, как молодежь оценивает российскую цивилизацию, западную и восточную. В нашем исследовании также изучалась мера их идентичности, и оказалось, что образ России, образ Запада и образ Китая математически не связаны. То есть молодежь считает, что Россия — цивилизация, отдельная и от западной, и от восточной.

Юрий ЗАРЯ, *1 курс, факультет конфликтологии*: — Может ли человек представлять сразу все культурные коды? Или тогда это будет сверхчеловек?

Л. В. МАТВЕЕВА: — Исследователи цивилизационных особенностей разных народов — Степин, Данилевский, Тойнби — объясняли происхождение культурных кодов. Вы в любом случае представляете историю своей страны и своего рода, ту или иную систему воспитания. Культурный код заложен как минимум в четырех поколениях до и после вас. То есть вы унаследовали его от своих прадедов, а после вас он будет передан вашим детям, внукам и правнукам. Поэтому отказаться от своего кода вы никак не сможете. Если вы переедете жить в Китай, то сразу столкнетесь с огромной разницей культурных кодов. Вы сможете в какой-то мере адаптироваться, но из-за этой разницы никогда не будете чувствовать себя достаточно комфортно. Вы останетесь человеком со своим культурным кодом, пусть даже и живущим в другой цивилизации. Это очень тяжело. С данной проблемой сталкиваются и дипломаты, и бизнесмены, и другие люди, живущие и работающие в Китае. Потому что веками формировалась сложная система ценностей и противоречий: хорошо–плохо, достойно–недостойно.

Наш культурный код во многом обусловлен пространством, потому что в России относительно небольшое население и гигантская территория. И русский человек привык мерять себя. Не зря Бердяев говорил, что русская душа ушиблена ширью, она не видит границ. Поэтому если русскому человеку не обозначить границы, то он может очень сильно разойтись. Другое дело Европа: сел за руль — и через два часа граница, через три — другая. Ограниченное пространство означает, что ты должен вести себя так, чтобы, с одной стороны, не задеть нечаянно соседа, а с другой — не попасть под ведро помоев, вылитых из окна на улицу.

Ю. ЗАРЯ: — А если семья попадает в другую культуру и ребенок посещает детский сад или школу, то культурный код все равно будет сохраняться четыре поколения? Какое влияние оказывают общественные учреждения на изменение кода и как быстро?

Л. В. МАТВЕЕВА: — Это во многом зависит от степени ассимиляции. Действительно, людям, сменив-

шим культурную среду, иногда удается стать «двухкультурными», но им очень непросто живется. Они отличаются от носителей одного культурного кода. Они пытаются усвоить новые нормы, жить по новым правилам, но не зря говорят, что кровь не водица. Особенно трудно им приходится в зрелом возрасте. Как говорят японцы, до 40 лет ты человек мира, а потом надеваешь кимоно и устраиваешь чаепитие по японскому обычаю. Культурный код передается на всех уровнях — социальном, мировоззренческом, психологическом и даже биологическом. Поэтому если ребенку изменили социальные условия, этого недостаточно — генетически он остается тем же.

Д. В. ЛОБОК: — С нами на связи доктор экономических наук Екатерина Сергеевна Дашкова.

Е. С. ДАШКОВА: — Добрый день, уважаемые коллеги. Если обобщить темы докладов и выступлений, то в этом году на Лихачевских чтениях мы обсуждаем в основном проблему диалога культур, и в первую очередь России и Запада, в условиях деглобализации. Соглашусь с Григорием Михайловичем в том, что нынешние процессы можно назвать глокализацией, так как мы наблюдаем одновременно глобализацию и локализацию. Другая проблема, занимающая многих, — прогнозирование. Как выстраивать экономическое, социальное, культурное, технологическое развитие России? В наши дни на многих дискуссионных площадках в рамках научно-практических конференций особенно часто говорят о возможных путях достижения технологического суверенитета.

Следующая очень острая проблема касается национально ориентированного образования, духовно-нравственного и патриотического воспитания. Молодежь — стратегический ресурс любой страны, поэтому мы должны выработать стратегию развития системы образования и организации работы образовательных учреждений. При этом профсоюзам предстоит решить важные задачи по воспитанию ценностной ориентации у молодого поколения. Это действительно очень значимо, так как наши исследования свидетельствуют о том, что труд не входит в ценностные приоритеты поколения Z, а цифровые технологии и Интернет лишь усугубляют проблему.

Александр Владимировичу сегодня пришлось выслушать упреки в том, что деятельность профсоюзов не видна обществу, а их роль непонятна. Хотелось бы возразить. В августе-сентябре 2022 года мы при содействии Воронежского областного объединения профсоюзов провели исследование среди молодых работников, которое охватило 427 человек из разных коммерческих и бюджетных организаций всех видов экономической деятельности Воронежской области. Результаты данного исследования мы представили в апреле на Ломоносовских чтениях в МГУ и в рамках Международной научно-практической конференции в нашем университете. Совместно с Воронежским областным объединением профсоюзов был организован круглый стол «Приоритетные направления работы с молодежью».

Исследование показало, что 86 % молодых (до 35 лет) работников являются членами профсоюза. Надо отметить, что работа наших профсоюзов — это не только организуемые ими досуговые и оздоровительные мероприятия. Существенное количество (33 %) респондентов указали, что ведется большая работа по воспитанию патриотизма и преемственности традиций. Многие также отметили содействие участию молодежи в волонтерской деятельности, научной и научно-технической работе, образовательных программах.

В ходе исследования мы также выяснили, что профсоюзы начинают активно участвовать в наставнической работе в организациях. 93 % респондентов указали, что наставники оказали им существенную помощь в профессиональной адаптации. Поддержка со стороны государства помогает профсоюзам повышать свою роль в системе социально-трудовых отношений. Очевидно, что укрепление авторитета профсоюзов в рамках социального партнерства становится важным для самого государства.

Таким образом, наше исследование, которое оказалось достаточно масштабным, продемонстрировало, что значение профсоюзов в обществе растет, и они все чаще успешно выполняют свою главную функцию — защищают права трудящихся.

Мы уже много лет тесно сотрудничаем с областным объединением профсоюзов. Наш совместный круглый стол «Приоритетные направления работы с молодежью» предоставил возможности для обмена опытом представителям профсоюзов различных организаций, позволил оценить направления и объем их работы с молодыми работниками.

Результаты исследования, о котором я рассказывала, будут опубликованы в журнале «Уровень жизни населения регионов России», так что все желающие смогут с ними ознакомиться.

Д. В. ЛОБОК: — Слово предоставляется профессору Марии Ивановне Козьяковой.

М. И. КОЗЬЯКОВА: — Немного о термине «антикультура». На самом деле это не термин, а бытовое, оценочное понятие. В культурологии оно не употребляется. Вообще слово «культура» пришло в русский язык довольно поздно, в XIX веке, и сначала соотносилось с духовной сферой, с религиозными культурами. После революции 1917 года появились «культурная революция», «культура производства» и т. д. Слово «культура» начали использовать в бытовой речи: культурное поведение, культурный человек.

Примерно полвека назад на Западе было проведено исследование понятия «культура». Оказалось, что насчитывается более 500 определений культуры. В итоге мы приняли, что есть культура в узком смысле слова и в широком. В узком смысле под культурой подразумеваются искусство, творчество, промыслы и т. п. В этом значении слово «культура» входит в названия учреждений: министерство культуры, институт культуры. В широком смысле оно описывает все, что имеет отношение к человеческой жизнедеятельности: культура быта, физическая культура, даже культура войны.

Следующая тема, на которую хотелось бы поспорить, — идеология как философия. Коллеги сравнивают идеологию с философией и вспоминают «философский пароход». На мой взгляд, в то время, когда страна ведет военные действия, вспоминать о «философском пароходе» несколько неуместно. К тому же хочу напомнить, что в 1961 году советский человек первым полетел в космос, и «философский пароход» этому не помешал. Хотя, конечно, чем больше у нас будет разнообразия, тем богаче будет наша жизнь. Но давайте поговорим об этом в другое время. Мы можем вспомнить «звездное небо над нами» Канта, но сегодня это небо, с которого падают бомбы.

Сегодня, к радости многих, кто на протяжении 20 лет всеми силами пытался доказать, что Россия не Запад, а отдельная цивилизация, которая имеет тысячелетние корни, нас наконец услышали. До этого все время говорили, что мы должны рассматривать Европу как наш общий дом, участвовать в общеевропейских организациях и союзах, даже если они настроены против нас. Хочется просто сказать поговоркой: не было бы счастья, да несчастье помогло.

Сегодня наступил новый этап, когда нам нужно найти ответы на фундаментальные вопросы. Какие мы? Куда мы идем? Куда хотим прийти? Вчера на пленарном заседании прозвучало, что нам необходимо целеполагание. Простите, какое может быть целеполагание, кроме того, что мы защищаем свою землю, будем работать на ней, растить детей, у которых будут папа и мама, а не два партнера непонятного пола. Мне кажется, это вполне достойные цели. Наша страна во все эпохи защищала свою территорию, и в этом был великий смысл.

При этом я не могу согласиться, что возврат к язычеству — это плохо. Нельзя отказываться от своей истории. Да, у нас было язычество, политеизм, и это были времена богатой и разнообразной культуры. Разве потомки древних греков и римлян отказались от своего языческого наследия? Нет, весь мир знает античных богов, читает греческие мифы и т. д. Почему же мы должны отречься от наших богов? Это наше прошлое, и его, мне кажется, надо беречь и сохранять.

Сейчас предъявляется много претензий к школьному курсу истории. Действительно, складывается впечатление, что учебники истории писались по западным лекалам. На их страницах наши достижения и победы не имели большого значения или повлекли за собой негативные последствия. Либо не упоминаются вообще. Так, Александр I, победивший Наполеона, оказывается, был жандармом Европы. Или, например, исчезла битва при Молодях, хотя ее значение трудно переоценить, да и произошла она совсем недалеко от Москвы. В битве полегло много воинов, в том числе и опричная дружина, но они смогли отразить завоевательный набег. И это наша традиция — защищать то, что у нас за спиной. А за ними была Москва. Или, например, пишут, что мы оккупировали бывшие союзные республики. А знает ли сегодняшняя молодежь, сколько раз, например, просила об объединении Грузия? А на прибалтийских землях когда-то были фактически уничтожены пруссы и балтийские славянские племена? На-

звание «пруссы» осталось в истории как символ германского милитаризма — Пруссия. И подобных фактов огромное множество. Так что действительно надо тщательно пересмотреть содержание школьных учебников истории.

Итак, мы признали, что Россия является отдельной цивилизацией, и это очень радует. Напомню, что Москва когда-то была названа Третьим Римом. И я уверена, что у нас очень хорошие перспективы в качестве цивилизации — Третьего Рима.

Е. ЖИРОХОВА: — Если российская цивилизация не является европейской, то какие черты отличают ее от других?

М. И. КОЗЬЯКОВА: — Русская цивилизация имеет определенные доминанты. Во-первых, географическое положение, в том числе относительно других стран. Во-вторых, сложный климат, из-за которого у нас очень короткий период сельскохозяйственных полевых работ, а в древности использовалось подсечное земледелие, сопряженное с тяжелым трудом. В-третьих, коллективный характер труда, который на Западе исчез в эпоху Ренессанса с появлением мануфактур и зарождением буржуазии, а у нас остался, потому что без этого нам не выжить. В-четвертых, огромная территория и соответственно очень протяженные границы, которые необходимо защищать. К тому же колоссальные природные богатства. Можно найти и другие особенности, отличающие Россию от западной цивилизации. Повторю еще раз: мы — Третий Рим.

Д. В. ЛОБОК: — Слово предоставляется главному редактору журнала «Культура и цивилизация», профессору Александру Петровичу Садохину.

А. П. САДОХИН: — Будучи правопреемницей Советского Союза, Россия тем не менее утратила свой статус сверхдержавы, коим обладал СССР. О чем идет речь? Положение любой страны в мире определяется целой группой факторов — экономикой, военным потенциалом, географией, историей, демографией и т. д. И вот только в результате соединения этих факторов мы можем отнести ту или иную страну к сверхдержавам, государствам второго, третьего порядка, вплоть до развивающихся стран. Россия может быть отнесена к категории сверхдержав только по двум показателям: это гигантская территория и ядерный арсенал — судя по всему, крупнейший в мире. Идущая сейчас военная операция показывает, что наши ракеты даже лучше американских. Но по всем остальным показателям мы относимся ко второй группе стран уровня Франции и Италии, в чем-то Великобритании. Но и им мы проигрываем, например, по внутреннему валовому продукту на душу населения. Кроме того, после распада Советского Союза мы утратили стратегические позиции на северных и южных границах. Крым удалось вернуть, и это очень важный и нужный регион для нашего государства. Но на балтийском побережье, в отличие от черноморско-

го, картина другая. Прибалтийские страны настроены враждебно, а в Финляндии после вступления в НАТО обсуждается перекрытие нам судоходства по Балтийскому морю. Будем надеяться, что этого не произойдет, потому что Балтийское море принадлежит не только Финляндии.

Те страны (прежде всего европейские), которые не выказывают негативного отношения к России, до сих пор рассматривают нашу страну как бензоколонку, поскольку большая часть нашей внешнеэкономической деятельности заключалась в торговле энергоресурсами. Даже Китай, покупающий российскую нефть во все в больших объемах, руководствуется рациональным соображением, что наша нефть дешевле арабской. Для сведения: наша нефть — так называемая тяжелая, то есть содержит много добавок, например серы, в то время как арабская — легкая, ее перегонка намного проще. Поэтому при аналогичных объемах переработки выход конечного продукта от тяжелой нефти меньше. Напомню, что американцы установили верхний ценовой предел на нашу нефть на внешнем рынке: не более 60 долларов за баррель. Но в действительности она торгуется немного выше, ближе к 70 долларам. Самая качественная нефть — марки Brent, ее котировки колеблются в пределах 75–80 долларов за баррель. Но вот что интересно. После того как американцы ввели этот потолок, через три дня в Россию прилетела делегация из Пакистана в надежде поживиться дешевой нефтью. Но мы объяснили, что вообще-то американские санкции не являются для нас руководством и мы не намерены продавать по этой цене, пакистанцы крепко озадачились.

Однако китайцы покупают нашу нефть, перерабатывают ее и продают готовые нефтепродукты другим странам. Стоимость конечного продукта, например бензина, гораздо выше, чем сырой нефти. Индусы быстро сориентировались и пошли тем же путем. Индия тоже большую часть нефти покупает у нас и, несмотря на угрозы США, продает продукты переработки, получая хорошую прибыль. То есть в очередной раз на наших природных ресурсах зарабатывают другие страны, а не мы. Это еще раз подчеркивает статус России не как промышленно развитого государства, а как источника дешевых энергоресурсов.

Еще один фактор, который сегодня создает нам проблемы, — геополитическое окружение. Какую страну мы сегодня можем назвать надежным партнером? Только одну — Белоруссию. И если сегодня у нас развиваются отношения с Китаем, что наши интересы все больше совпадают, то это вынужденная «дружба», потому что Россия и Китай пытаются противостоять американской гегемонии. Американцы вводят санкции не только против нас, но и против Китая, но при этом отношение к Китаю у них совершенно другое. Торговый оборот между США и КНР составляет около 600 млрд долларов. Аналогичный показатель для России и Китая прогнозируется в размере 200 млрд долларов по итогам нынешнего года. Поэтому санкции американцев в отношении Китая более осторожные, чем по отношению к нам. А между Россией и Штатами торговля минимальная.

Государства Центральной Азии сейчас проводят, как они говорят, самостоятельную политику, и эта политика развивается не очень хорошо для нас. Буквально на прошлой неделе Китай созвал совещание с руководителями центральноазиатских стран, в котором приняли участие главы пяти государств, которые раньше были республиками СССР. В ходе этой встречи был подписан целый ряд договоренностей, и вообще все идет к тому, что будет создан новый военно-экономический союз под началом Китая. Россия на этот саммит приглашена не была. По сути, это означает, что страны Центральной Азии понемногу начинают выходить из-под нашего влияния. В Казахстане все большую активность проявляют США.

Чтобы противостоять этой негативной для нас тенденции, мы пытаемся продвигать концепцию многополярного мира, которая предполагает несколько центров — военных, политических, экономических, которые могут сосуществовать друг с другом на принципах справедливости и равноправия. Вчера на пленарном заседании об этом много говорили. Но возникает ряд вопросов. На каких принципах будут строиться отношения между такими центрами? Будет ли это соперничество, конкуренция? И не дойдет ли дело снова до конфликтов, но уже на другом уровне, другого характера и с другими результатами?

Д. В. ЛОБОК: — Слово предоставляется профессору СПбГУП, режиссеру Анне Петровне Гаврилюк.

А. П. ГАВРИЛЮК: — Мои педагоги Валентин Дмитриевич Сошников и Борис Иосифович Гершт, ученики великого Георгия Товстоногова, учили, что режиссер — это человек, который интересуется текущими событиями и тенденциями и через свое искусство стремится осмыслить актуальные проблемы и вынести на обсуждение важные для общества темы. Мы говорим об изменениях в глобальном мире, и я, как неравнодушный гражданин, человек с собственной позицией, изучаю телеграм-каналы известного экономиста Михаила Хазина, военных обозревателей Юрия Подольяки и Михаила Онуфриенко, чтобы понимать, что происходит.

Действительно, как сказали Александр Сергеевич Запесоцкий и Александр Владимирович Шершук, идет глобальный слом: уходит в прошлое лидерство Соединенных Штатов Америки, которые могли диктовать свою волю благодаря тому, что долгие годы доллар был основной валютой международных расчетов. Но теперь центры силы смещаются, и вот уже саудиты уже готовы продавать нефть за юани, сблизилась с Ираном, Китай выступил посредником. Все это говорит о том, что мы должны наблюдать, анализировать и посредством аудиовизуальных инструментов транслировать аудитории свои выводы и чувства.

Мы видим, как на Украине сносятся памятники, переименовываются улицы, меняются календари православных праздников. Таким образом выхолащивается память. Но мы должны стараться сохранять свою память, историю, идентичность. Я согласна с Лидией Владимировной: к язычеству возвращаться нельзя. Но

надо оберегать свои традиции и свой культурный код, а для этого поднимать более глобальные проблемы сохранения памяти и идентичности.

Д. В. ЛОБОК: — Спасибо большое. Александр Владимирович Шершук, приглашаю Вас к микрофону.

А. В. ШЕРШУКОВ: — Прозвучавшие сегодня выступления были очень интересными и познавательными. В частности, по-моему, важно, что слово «антикультура» зафиксировано как оценочная и даже бытовая лексическая единица. К сожалению, сейчас мы наблюдаем снижение требований к выразительным средствам в масскультуре, в том числе на центральных каналах телевидения, и ненаучное слово «антикультура» как нельзя лучше характеризует эту грустную тенденцию.

Термины, которые мы используем, имеют очень большое значение. При этом явления и термины должны быть конгруэнтны. Только что было сказано о том, что принят документ, согласно которому Россия зафиксирована как цивилизация. Я с уважением отношусь к документам, но боюсь, что у нас может появиться глобус, на котором нет ничего, кроме России. Потому что наше общество склонно, как маятник, раскачиваться с большой амплитудой между низкопоклонством и самолюбованием. Призываю не впадать ни в ту, ни в другую крайность. Мы говорим, что одна из ценностей российского народа — коллективизм. Но несколько лет назад социологи Владимир Магун и Максим Руднев представили результаты своего исследования. Изучались и сравнивались ценности народов разных европейских стран, в том числе России. Так вот, по характеристике «индивидуализм» Россия оказалась «чемпионом» Европы: 30 % наших соотечественников придерживаются такой жизненной установки (сравните со шведами — 9 %).

Мы можем считать Россию отдельной цивилизацией и всеми силами защищаться от внешнего влияния. Но если мы рассчитываем на идеологическую победу, то должны представить позитивную модель развития не только для себя, но и для всего мира. Америка такой вариант представила — общество возможностей. Советский Союз в свое время тоже предложил достойную идею: общество социальной справедливости. Конечно, Россия прекрасна и уникальна, но если мы будем говорить только о себе, то у нас не будет союзников. Повторяю, мы должны выработать и предложить позитивную идею для всего человечества, простите за пафос.

Д. В. ЛОБОК: — Заключительное слово предоставляется Жану Терентьевичу Тощенко.

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Цель любой научной конференции — обменяться мнениями, сопоставить точки зрения, в чем-то убедиться, уточнить свои позиции, в чем-то усомниться. Наука — это постоянный поиск.

Некоторые ремарки. О цивилизации. В свое время, когда Российская академия наук восстанавливала отно-

шения с китайскими коллегами, я был в составе делегации ученых, посетивших Китай. А когда я вернулся, профессор Хачик Нишанович Момджян, который был президентом советской социологической ассоциации, спросил: «Ну что, с твоих ушей слетела евроцентристская пыль?» — «Да, слетела». Потому что я воочию увидел другую цивилизацию, действительно другую. Поэтому мы можем по историческим эпохам, по странам, по религиям верно видеть разные подходы к этому термину. Цивилизация — не менее многозначное понятие, чем культура.

Здесь прозвучали разные мнения относительно «философского парохода». Но все ли мы знаем о том, что незадолго до этого из Соединенных Штатов Америки в Советскую Россию за политические взгляды депортировали несколько сотен уроженцев бывшей Российской империи? В Америке посадили 267 своих социалистов, профессоров и выслали в Советскую

Россию. У нас был «философский пароход», у них — «красный ковчег».

И последнее. Профессор Гранин напомнил о значении Конституции, и я согласен, что это очень важный документ для общественного договора. Но я надеюсь, что в процессе очередного пересмотра Конституции мы откажемся от запрета на государственную идеологию. Убежден, что любое государство имеет идеологию, даже если не провозглашает это. Потому что идеология тесно связана с ценностными ориентациями. Кстати, обратите внимание: в советской Конституции было закреплено право на труд, а в российской — право на выбор профессиональной деятельности. Это примечательный нюанс.

Д. В. ЛОБОК: — Спасибо всем, кто выступил, кто задавал вопросы и кто просто выслушал. Было очень интересно и познавательно. До новых встреч!